

— Кто, чёрт возьми, начальник? — Цзян Чэн выстрелил в замок двери, приставил винтовку к голове выбежавшего директора и сквозь зубы процедил:

— Запомни, это я, чёрт возьми, твой начальник!

Директор по приёму, не привыкший к таким сценам, увидев группу вооружённых до зубов офицеров, выпрыгнувших из машины, потерял дар речи, дрожа от страха больше, чем от звуков бомбардировки за сотни миль:

— Вы... вы... вы...

— Где Чжэн Чжунлян? Позовите начальника вашего второго отдела! — Мужчина, прибывший издалека, огляделся вокруг, направил на него винтовку и ворвался в вестибюль. — Как они работают, а?!

— Начальник... начальник отсутствует, он уехал на юг два дня назад, когда начались бои в тылу...

— А заместитель? — Мужчина первым ворвался в офисное здание, пиная каждую дверь. — Ван Цянбин! Чжан Юэюн! Пусть все, чёрт возьми, выйдут! Безмозглые идиоты, сегодня я заберу их головы!

Офицеры, следовавшие за Цзян Чэном, быстро заняли все открытые двери на каждом этаже. Перепуганные чиновники прижались к стенам, а несколько оставшихся директоров Управления центральной разведки, спотыкаясь и падая, бежали за безумным мужчиной вверх, умоляя о пощаде:

— Генерал-майор! Генерал-майор!..

— Наверху радиостанция!

— Последние оставшиеся специалисты по шифрованию всё ещё там, человек, которого вы ищете...

Самая дальняя дверь с грохотом распахнулась, и тысячи тонких лучей света хлынули внутрь. Молодой человек на вращающемся кресле медленно повернулся, его изысканное, как на картине, лицо было холодным и строгим.

Тот самый... образ, выгравированный в памяти за долгие годы, в каждом безлюдном вечере и глубокой ночи, словно острый клинок, пронзал сердце, неся с собой раздирающую ненависть и боль, заполняя каждый уголок души. В одно мгновение все прошлые годы, слёзы, кровь, милость и ненависть внезапно ожили за распахнувшейся дверью.

Подавленная ярость и сотни невыразимых чувств вдруг поднялись к голове, взорвавшись в мозгу, как пыль, поднятая взрывами снаружи. Цзян Чэн почувствовал, как его сердце резко опустилось, словно готовое увлечь за собой всё его тело.

Он не мог пошевелиться, стоял на месте, беззвучно открывая рот, и лишь спустя долгое время нашёл свой голос, хриплый, словно переживший столетия за одно мгновение:

— Ты... зачем ты вернулся?

Небо и земля содрогнулись, кровавые вспышки света мгновенно вспыхнули за окном, и земля

задрожала. Но Цзян Чэн слышал только дрожь в своём голосе, словно в нём была выгравирована глубокая надежда.

Если ты уже выбрался из водоворота, зачем снова прыгать в него?

Пять лет назад, Цзиньчжоу.

В переулке цветов и ив Наньган кипела жизнь, рестораны и чайные горели огнями, и часто доносились звуки песен и музыки, смех и болтовня девушек.

— Эй! Говорят, в этом году в Цзинбэй много талантов, не так ли? — Сун Чжао, развалившись на стуле, отправил танцовщицу прочь и кивнул на Цзян Чэна и Шэнь Яо перед ним. — Сначала Цзи Лян вернулся из-за границы, а теперь и старший брат Шэнь приехал в Цзиньчжоу, действительно прекрасное время для героев Цзиньчжоу!

— Да пошёл ты, — Цзян Чэн нахмурился, отхлебнув вина. — Какое прекрасное время? Лучшее время — это когда я был за границей и наслаждался жизнью, а теперь меня заставили вернуться! Цзян Чжия? Цзян Чжия — дерьмо!

Если бы такие слова произнёс какой-нибудь пьяный на улице, его роскошная жизнь закончилась бы. Но сейчас это говорил второй сын главнокомандующего Цзиньчжоу Цзян Чжия, а за столом сидели сыновья знатных семей Цзинбэй, которые могли ругаться на отцов, матерей и даже самого Небесного Императора без всяких последствий.

— Что? Ты окончательно проиграл в борьбе с отцом? — Сун Чжао пододвинулся ближе и налил ему ещё вина.

Цзян Чэн показал скучающее выражение лица и выпил вино залпом.

— Эх, я недавно ещё завидовал нашему Цзи Ляну, — Шэнь Яо бросил кости на стол и откинулся на спинку дивана. — Наверху есть старший брат, который всё решает, несколько незамужних сестёр, а сам он за границей под предлогом «изучения западных технологий» пьёт, ест и гуляет. Разве это не лучше, чем мне, самому старшему брату, которому приходится всё делать самому?

— Пошёл ты со своим старшим братом, он сейчас где-то на юге шляется, хуже тебя, который каждый день в борделях тусуется, — Цзян Чэн раздражённо продолжил, наливая себе ещё.

— Эй, смотри, что говоришь, я каждый день занят делами армии, а каждый день в борделях — это мой отец, понял? — Шэнь Яо возразил, но это раззадорило его, и он хлопнул по подлокотнику дивана, где сидел Цзян Чэн. — Кстати, я недавно ходил на выступление труппы Хунсинь, где пел директор Лю. Эй, должен сказать, он популярен не просто так. Как насчёт того, чтобы сегодня позвать труппу и послушать?

Цзян Чэн бросил на него косой взгляд и продолжил пить, не обращая внимания.

— Что? — Шэнь Яо с недоумением огляделся вокруг, все сидящие вокруг молодые аристократы выглядели так, словно всё понимали, и он спросил:

— Провёл полтора года за границей, и теперь сменил вкусы?

— Эй, старший брат Шэнь давно в Гуаньнань, поэтому не в курсе дел Цзиньчжоу, — Сун Чжао взглянул на Цзян Чэна и объяснил:

— У Цзи Ляна есть кто-то в доме, поэтому он не обращает внимания на уличных птиц. Как думаешь, не ожидал?

Шэнь Яо широко раскрыл глаза, глядя на Сун Чжао, а Е Бинь и Ду Хань сдержанно кивнули, сдерживая смех.

— О? Что за дело! Когда это случилось? — Шэнь Яо невольно выпрямился. — Какая неудача, мой отец как раз хотел через несколько дней пригласить нашего Цзян Чэна на обед, чтобы познакомить его с моей третьей сестрой. Неужели опоздал на несколько месяцев, и кто-то уже перехватил?

— Именно так, — подхватил Сун Чжао, явно наслаждаясь ситуацией. — В тот же вечер, как он приземлился, Цзи Лян с первого взгляда влюбился, и, не дослушав ни одной сцены, решил забрать его домой.

Шэнь Яо с удивлением посмотрел на Цзян Чэна, а тот загадочно усмехнулся, отхлебнув вина.

Полгода назад, банкет в честь возвращения Цзян Чэна.

Сун Чжао организовал небольшую встречу с несколькими старыми друзьями, пять-шесть человек пили, спорили и жаловались на судьбу. В конце Сун Чжао, желая добавить немного изысканности, настоял на том, что на прощальном банкете они не послушали оперу, что было большим упущением, и теперь, чтобы отпраздновать возвращение Цзян Чэна, обязательно нужно пригласить труппу и удовлетворить его страсть к опере.

Все снова посмеялись над Сун Чжао, но ради развлечения согласились и послали гонца в театр, чтобы пригласить труппу.

Так Гу Шэн оказался в ресторане Чанфу.

Исполняли «Суолиньнан», Гу Шэн пел женскую партию, его голос был полон страсти, каждое слово звучало глубоко, его щёки горели румянцем, а взгляд, полный очарования, и грациозная фигура были просто великолепны. Его лицо было словно нарисовано, а пение — воплощение тысячи чувств.

Полчаса сценки из оперы отрезвили Цзян Чэна, который до этого знал только оружие и бесчинства.

— Позови его сюда, — Цзян Чэн с трудом сдерживал дрожь в голосе.

— Внизу ещё одна сцена, — сказал Сун Чжао.

— Я сказал, позови его сюда! — Цзян Чэн стукнул бокалом о край стола, его голос резко повысился.

Когда Цзян Чэн начинал буйствовать, никто не мог его остановить, как и позже, когда он настаивал на том, чтобы забрать певца домой, Сун Чжао не смог его отговорить, и даже его отец не смог его остановить. Сейчас он был главным героем этого банкета, одна сцена больше или меньше не имела значения, главное было, чтобы Цзян Чэн был доволен. Сун Чжао тут же послал человека передать певцу, и вскоре его привели к Цзян Чэну.

Цзян Чэн лишь мельком взглянул на него, нахмурился и велел смыть грим.

На это ушло немало времени, несколько раз Цзян Чэн просил налить чай, и Сун Чжао думал, что он уже не выдержит и уйдёт, но Цзян Чэн словно прирос к стулу, терпеливо дожидаясь, пока певец выйдет из-за кулис.

Это был первый раз, когда Цзян Чэн увидел Гу Шэна.

Теперь тот великолепный певец, исполнявший женские партии, снял пышный головной убор, смыл густой грим, надел длинный зелёный халат, и его короткие чёрные волосы были слегка влажными. Кроме пары очаровательных глаз, всё ещё полных страсти из оперы, это был просто молодой человек лет двадцати.

<http://bllate.org/book/16144/1445602>